

Андрей Денников о спектакле «Исповедь хулигана»

Эта постановка вместила в себя не только размышление о жизни и творчестве Сергея Есенина, но и, в целом, размышление о новом времени, эпохе перелома в истории, трагедии и поиске нового пути, как для всего народа, так и для самого поэта. В пьесе нашли отражение не только классики нашей литературы, в частности А.С.Пушкин, и поэты Серебряного века, но и политические деятели начала XX столетия.

Искусство Андрея Денникова — уникальное явление в нашей культуре. Прожив 36 лет, он оставил богатое творческое наследие. С 2014 года, когда Андрея не стало, ежегодно проводятся вечера памяти артиста, демонстрируются в записи его неповторимые спектакли.

Если Вы спросите, есть ли у меня любимый писатель XX века, не назову, кроме С.А.Есенина, никого. Есенин был фильтром, через который пропускаем все, что было, и в конце концов получаем чистую воду. Получаем чистую воду своих слез, слез раскаяния. А фильтром-мучеником, который нес крест своего мученичества, все-таки является сам Есенин. Его жизнь — это калейдоскоп всего того, что было в истории нашей Родины. Он как никто чувствовал все, что происходит с Россией. У России всегда есть надежда на спасение. Вот этой самой надеждой, хотя и с примесью щемящей грусти, наполнены стихи Есенина.

Есенин составил себе сомнительное удовольствие быть ангелом во плоти на Земле... И несмотря на все темные стороны, какие были в его характере и в его судьбе (без них невозможен гений, а Есенин был именно гений), никакая черная и никакая красная краска не смогли изуродовать белых крыльев, которыми наградил Бог этого замечательного русского поэта. Наверное, каждый находит в Есенине частичку себя, своей боли, своих мыслей, своих чувств. Я для себя вычислил, что такое гениальность. И чем гениальность отличается от таланта. Гениев в России мало, но они были. Хотя бы раз в столетие обязательно появлялись. Два океана у нас есть — Пушкин и Есенин. И я думаю, именно потому личность Пушкина и личность Есенина так привлекают, что каждый — от самого падшего человека и до кого-нибудь, причисляющего себя к элите, — найдет в Пушкине и Есенине что-то свое, что-то настоящее. И главное, они найдут Россию. И если хоть пять зрителей придут домой и перечитают Есенина, — значит, спектакль удался.

Идея о том, чтобы создать спектакль обо всех нас, у меня родилась давно. Почему именно Есенин? Потому что его поэзия затрагивает душу каждого русского человека. С тех пор как был снят запрет с творчества Сергея Есенина, о нем много стали писать, но изображали как-то односторонне и не с лучшей стороны. Я не люблю такую литературу, я не люблю такую драматургию, я не люблю Анатолия Мариенгофа и его книгу о поэте «Роман без вранья». Есенин за несколько дней до смерти говорил ему: «Толя, не пиши обо мне плохо». Но, тем не менее, он написал свой роман. Я знаю другого Есенина, очень его чувствую, и с каждым спектаклем все больше и больше.

Долго не представлял, как сделать спектакль о Есенине. Три года писал пьесу. Было нелегко подобрать и скомпоновать такое количество материала. Очень многое отсеялось, жаль... Изучая материалы, я узнал такое количество подробностей, что спектакль получался уже не о поэте, а о столичной жизни. А именно этого и хотелось избежать. Для меня Есенин важен как личность, как человек, живший в начале XX века. Ведь это была уникальная эпоха, время слома российского государства, смены власти, разрушения деревни. Те пьесы

о С.А.Есенине, которые попадались мне на глаза, были омерзительны. И киносериал о нем, навязывающий определенный образ, — это пасквиль. Есенин писал А.Мариенгофу: «Ложь это все: любил, целовал, пьянствовал». А фильм как раз о том, как любил, целовал, пьянствовал. До Есенина надо дорасти внутренне, это очень трагический поэт. Поэтому когда артисты говорят, что они с детства любили стихи Есенина, я не верю. Это невозможно. С детства можно любить сказки Пушкина, например.

Ну что это за спектакли, в которых все построено на любви Есенина к Айседоре Дункан? Айседора, ей-богу, лишь эпизод в его жизни. Все-таки судьба Есенина — это любовь к Родине. Она — та женщина, которую он любил всю жизнь. «Русь уходящая». Ушла и не вернется. И он это видел. И за это он был убит...

Я уверен, что его убили. У него было множество ран, сломан нос, избито лицо, вскрыты вены на правой руке. След от веревки на шее не такой сильный, как должен быть у самоубийцы. Да и на той трубе отопления повеситься невозможно — человек соскользнул бы вниз. Были свидетели, которые видели людей, вышедших из номера Есенина. Убийцы довольно грубо изобразили самоповешение. К тому же это не первый случай, когда «убрали» человека, неугодного советской власти.

Литературная форма моей пьесы — исповедь — пришла сама собой. Главный персонаж, кому исповедуется Есенин, — зритель. Разговор с залом, пение с залом — это действительно от души. Замечу, что в пьесе нет ни одного моего слова, сюжет соткан из писем, воспоминаний и поэзии современников поэта. Я сознательно не включил в свою пьесу прозу С.А.Есенина. Ее сложно понять, она до сих пор не разгадана. В есенинской прозе безумно трудные литературные обороты и образы. Их я пока не готов донести зрителю со сцены. Я обратился к стихотворному творчеству С.А.Есенина, его лирике, романсу, драматической поэме «Пугачев». Семьдесят лет безбожия очень большой крен дали всему. Расплата за это очень серьезная. Она уже настала. Мы ее получаем. Просто не все понимают, что надо каяться за все, что случилось самого страшного в истории нашей страны. Поэтому Есенин. Поэтому «Исповедь хулигана».

Тут все понятно: название известного стихотворения Сергея Есенина. И жанр моноспектакля сродни исповеди. А «хулиганство» есенинское какое-то наносное. Мне кажется, что это и не хулиганство вовсе, а скорее протест его. Оно скрывало его душевную трагедию. Поэт был воспитан в русских православных традициях, а потом встал на сторону большевиков. Для Есенина Православие неразрывно связано с Россией, с березами, старушками, платочками. «Язвы красные незримо Христу» — только Есенин мог так сказать о ягодах рябины! «Шел Господь пытать людей в любви» — гениальное произведение. Помните? Христос думал, что на земле больше не осталось верующих, а нищий дед делится с Ним последним куском хлеба.

Есенин близок мне прежде всего своей душой. Своей грустью, озорством, любовью к русской земле, к нашему национальному деревенскому быту. Встречаясь с извозчиком на площади, он вспоминал запах навоза с родных полей и был готов нести хвост каждой лошади «как венчального платья шлейф». Есенинская фраза «Господи, отелись!» может показаться кому-то неканоничной, дерзкой, но я так не думаю. Для Есенина теленок — это что-то нежное, трепетное, и корова для него не грязное животное с рогами, а прекрасный, родной, теплый образ. Господь, как известно, Творец, а на Земле рождают матери.

Мне близки слова Есенина, обращенные к Грише Панфилову, его единственному дорогому и любимому другу. Он говорил, что Христос для него является идеалом высшей Истины.

Хотя Есенин прожил всего тридцать лет, мудрость у него была необыкновенная. И я думаю, что это как раз признак гениальности и избранности Богом.

Вся жизнь Есенина — самозащита. Он не случайно говорил: «Казаться улыбчивым и простым — самое высшее в мире искусство». А он всегда старался казаться улыбчивым и простым. Хотя был на самом деле сложным человеком. Он был трагичен по-человечески. Трагедия, которую он переживал, была трагедией страны. Он революцию описывал такой, какой она была на самом деле. Дающей надежду, а потом стихийно разрушающей все: страну, природу, человека. Она остановила сердце — российскую деревню. «Мы природу берем в бетон», — выкрикивал Сергей Есенин. Он просто-напросто считал, что Сталин со своей настырной свитой — те, кто Россию закуют в бетон. Его предвиденье сбылось. Он, как умел, пытался защищаться. Защищался словом. Стихийными поступками, которые подолгу обсуждались как вызовы морали и укладу. А как еще? Как защитить себя поэту в такой стране?

Когда я впервые побывал на родине поэта в селе Константиново, директор заповедника познакомила меня со всеми достопримечательностями, провела по тем местам, которые очень любил Сергей Есенин. Для меня было большим счастьем прочитать стихи Есенина в доме, где он родился. Мне первому разрешили это сделать. Когда побывал на родной земле поэта, ощутил необыкновенное чувство единения с природой. Мне казалось, будто я домой вернулся. Мое сближение с Есениным было настолько велико, что, вероятно, оно проявилось и внешне. Одна из смотрительниц музея, пожилая женщина, когда я вошел в музей, воскликнула: «Ой, Сережа... Как живой!». И это для меня было высшей похвалой.

То, что я внешне похож на него, конечно, помогает мне в работе над ролью. Я могу не носить парик в этом спектакле... В Константиново ко мне подбежала маленькая девочка и спросила: «А вы случайно не предок Есенина?» Я ответил: «Нет, в лучшем случае я мог бы быть его потомком». Но даже это вряд ли, потому что крестьянских корней у меня нет. Мы с ним совпали. Точнее, я совпал с его душой и некоторым выплеском протеста. Я выхожу на сцену и достаю из самого себя два ощущения, два времени — сегодняшнее и его — незащищенного поэта. Я не играю, я живу. И не искажаю фактов. Конечно же, я в образе российского поэта пытаюсь тоже защититься. От окружающей среды, от нравов, от денежных приоритетов нынешнего дня. Я не хочу, чтоб завтра балом правили купюры, чтобы способность чичиковых убеждать стала нормой наших правил и ценностей. Я верю, что еще придет эпоха честных игр и правил, которые исходят от Христа. И эта роль — моя самозащита. И я сыграю эту роль. До самого конца. Мне тоже нравится, «когда камения брани летят в меня, как град рыгающей грозы. Я только крепче жму тогда руками моих волос качнувшийся пузырь»...

Да, Есенин для меня — не роль, а состояние души. Я в спектакле вхожу в это состояние: не играю, а просто становлюсь Есениным, и все. Ведь в спектакле раскрывается тема ангела на земле, которым и был поэт. И эта тема очень важна в моем творчестве. Ангелы среди нас — это большая редкость. Нужна чуткость, чтобы разглядеть их и сохранить, потому что ангелы быстро улетают. Например, Пушкин, Моцарт, Есенин — все они были ангелами на земле. Но моралисты в первую очередь склонны осуждать гения. Вот говорят: Пушкин любил женщин и карты, Есенин пьянствовал, Нижинский и спал с мужчинами, и сошел с ума — но ведь это были люди, в которых горел Божественный огонь. Им было в тысячи раз сложнее жить, чем «простым смертным», потому что там, где Божественность, там и демоны. Сколько им нужно вынести тут, на Земле, сколько на гениев посылаются искушений! Это же избранные люди! А обычному человеку что остается? Сидеть и писать книжки: «Вот Пушкин. Сколько у него было женщин? Вот он какой! Охальник!»

Чуткий человек должен понять, через какие трудности в земной жизни проходит гений. Мне очень близки гениальные младенцы. Есенин, Моцарт, Достоевский... Нет, я не думал, что эта тема станет темой моей жизни. Но все они меня спасают. Мне часто говорят: «Как же тебе так удастся перевоплощаться?». А я ответить не могу. Я сам не знаю — как. А может быть, все потому, что все они — частички, из которых состою я сам? И Гоголь в чем-то был ребенком. Мне кажется, великому художнику Александру Иванову было с ним очень интересно. Встретиться с таким чудом природы, как Гоголь... Пушкин? Вот он как был лицеистом, так лицеистом и остался на всю жизнь. Когда он на коне в Тригорском влетал в окно усадьбы, это что? Хулиганство? Хулиганство. Но это детское хулиганство. Это хулиганство, за которое нельзя бить. И убивать за это нельзя. А Пушкина, Есенина, отчасти Моцарта — убили. Каждого по-своему. Беречь нужно ангелов. Защищать их, а мы...

Зритель тянется к настоящему, а настоящее — это душа, талант... Пушкин, Есенин, Гоголь... Они воспринимаются как настоящее, подлинное искусство. Мне кажется, чем бы человек ни увлекался — модерном ли, авангардом — он когда-нибудь обратится к тому, что по-настоящему ценно и прекрасно. Для меня очень важен контакт со зрителем, важно, чтобы меня понял и принял простой зритель, который пришел на спектакль, увидел до боли знакомого и незнакомого Сергея Есенина и еще больше его полюбил. Не люблю неискренности на сцене. Люблю слова известного актера Николая Мордвинова: «Я хочу выйти на сцену, обнять зрительный зал и вместе с ним плакать и смеяться».